

Алексей Козырев

СОНЕТЫ, "ПРОГУЛКИ ПО ГОРОДУ" ■
ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

С О Н Е Т Ы

1

СКАЧКА ИДЕЙ - 1973

Упорно ходят слухи, что комета
В пути из Петербурга в Ленинград.
Монашенкой она переодета,
А хвост несет сибирский конокрад.

Представь, под Новый Год, на маскарад
Метель влетает в полумаске лета
И нагишом... Ну, рад или не рад -
Пора, мы едем, подана карета.

Ты, что, уже и нас не узнаешь?
Я - Путаница, сонная царевна.
Ты - мой жених, колючий серый Еж.

Свечей венчальных только не найду.
Их кто-то скрёг. Не Анна ли Андреяна
На той страстной, в тринадцатом году?

МАЯТНИК СУДЬБЫ

Мы только яму черную нашли,
Хотя держались правильного курса:
Всю Малую Подвальную прошли —
Искали дом полковника Най-Турса.

Интимный свет лампадок и настурций
Сошел с лица отравленной земли.
И мы летим, и страшно обернуться
На тихий берег, скрывшийся вдали.

Не по себе булгаковской квартире.
Хозяева еще кого-то ждут,
Поэт с моноклем, инженер в мундире.

Постукивает маятник в столовой.
Качается на нем бумажный шут,
Охваченный предчувствием былога.

Я знал, что он укрылся в Эрмитаже,
Но под табличкой "222"
Мне стало вдруг не по себе, и даже
Почудились знакомые слова.

Он измрамором слегка обезображен.
Осанистая, злая голова.
Совиный взгляд. Гrimаса рта все та же.
Все дальше - Петропавловка, Нева...

Простор воды. Но здесь другие- арка
И лев- на площади Святого Марка,
Где русские, и мавры, и жиды.

А вот и он, великий Аретино,
Своим пером представивший картино,
Как правда сеет семена вражды.

СОНЕТ СОЛНЦУ

И чем бы там не кончилось с Икаром,
Мнё наплевать на облачную мель.
Живое Солнце! Ты даешься даром,
Святым огнем крапишь снега и хмель.

Свой хоботок в цветок вонзает шмель
В погоне за таинственным нектаром.
Навстречу завязь, словно карамель,
Слабеет с каждым радостным ударом.

Глазами спать отправленных детей
Вдруг видишь сквозь привычные потемки,
Как все цвета становятся цветней.

Как все предметы неуемно-емки:
Клочок зимы на зелени ветвей -
Плечо кинозвезды во время съемки.

ПРОГУЛКИ ПО ГОРОДУ

1

ОФОРТ

Сплошные плащи да зонтики
Торчат на его пути.
Застывший кадр. — Па-авольте-ка,
А впрочем, к чему идти?

Но тут он сквозь мглу промозглую
(И где не бывал с тех пор)
Свернул на Большую Московскую
И хлещет в бельма штор.

Все радости — мало их, много ли —
Смывает дождь без следа,
Мозги задуряя Гоголю,
Что скучно жить, господа?

2

ЗАТОМИС

Все голову мне морочит
Давно забытый романс.
Не спится. Белые ночи.
Прогулочный полуэтранс.

Опять- наяву, во сне ли -
Затеплился воск реки,
И с окон позеленели
Высокие особняки.

Торопится поздний транспорт
(Не рухнуть бы с высоты),
По очереди пространство
В железо берут мосты.

Над перистыми облаками
Блистательный цокот подков;
Тритон отряхнулся в канале.
Спросонья и - был таков.

Чаще заглядывайте в чужие окна.

Из книги "666 ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ"

С таинственными знаками
Невесть кому и о чём
Колдун следит за накипью,
Котел кипит ключом.

На черные манипуляции
Косится из угла
Девчонка лет семнадцати,
Раздевшаяся догола.

Журчит приворотная музыка,
На танец любви пригласив
Змей, зеленого ужика.
Ложится извив на извив.

Он вынырнул не разговаривать,
Но ловит он мух языком...
Колдун опрокинул варево,
Во тьму погрузился дом.

ЭММА

Блестит Большая Медведица.
Фонтаны и фонари.
Нельзя ли тут присоединиться,
Конечно, к мадам Бовари.

Я ей сказал бы: "Знаете,
Я жить не могу без вас,
Ведь так и тянет к заводи
Зеленых ваших глаз."

Все это я где-то вычитал,
Нет, выдумал сам, скорей...
Но все это так, за вычетом
Фонтанов и фонарей.

Простая рабочая комната.
Табачный дым и смех.
И Вы, лукаво-скромная,
На сером фоне всех.

И Вы отлично знаете,
Что жить не могу без Вас,
Что так и тянет к заводи
Зеленых Ваших глаз.

СТАРАЯ ЛАДОГА

А к вечеру стали мы взрослыми
Барашки темной реки.
Приплясывают за веслами
Веселые пузырьки.

Вот скоро, как воды Волхова,
Стемнею от старых бед.
Ходил я кругом да около,
А счастье смеялось вслед.

Разбойное небо с церковью.
По склону забытый погост
И туча- с другого берега
Уже опущенный мост.

Лениво и фиолетово
Плетется дым костра
Из детских лет, и от этого
Тревога не так остра.

К СТИХАМ НЕИЗВЕСТНОГО ПОЭТА

Иносказательные строфы —
Как это в духе спящих дней!
Разбойник вырвался с Голгофы
В наш мир, которому видней.

Сегодня за столом с рабами,
Где съестъ празднуют они,
Опомнившимися губами
Он произносит: "Помяни."

От узаконенного брака
Свободы с плахой зреет плод:
Незримый огнь святого рака
На топи вспученных болот.

Смотри, в какие только лазы
И поры ни находят путь,
Как животворны метастазы,
Как тяжко мертвому вздохнуть!

АВТОПОРТРЕТ
(подражание Пушкину)

Мне заказали мой портрет,
И вот, написанный с натуры,
Он выглядит в овале лет,
Как старые миниатюры.

Привыкнув время тратить зря,
Лениво посещал я классы,
Так, без фасона говоря,
Но и без менторской гримасы.

Я вышел праздным болтуном,
А не профессором Сорбонны.
Сквозь правду сердца вратъ умом -
Центральный штрих моей персоны.

Осталось выделить еще,
Как ансамблируется проседь
С открытым лбом, брылами щек,-
И кисть, пожалуй, можно бросить.

Хотя никак бы я не мог
Красавцем писанным назваться,
Каким меня уж создал Бог,
Таким хочу я и казаться.

Две волчьих искорки глазам
Придать, конечно, не премину...
И вдруг портрет мне сделал сам
Многозначительную мину.

БЕССОННИЦА

Таинственно и холодно
Спускаться в немой водоем
И слушать, как тонким золотом
Всплывают звуки в нем.

Звучат цвета и линии,
Звучат мечты и сны,
Звучат голубые лилии
На круглом щите луны.

Открылись темные россыпи
Неслыханных полуслов.
Перекликаются особи
Иных времен и миров.

В их перекличку хочется
Включиться орлу и тле -
Нетленное пророчество
Подслушать о Земле.

ИЗ ГЕЙНЕ

ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР
("Германия", гл.2)

Девочка пела о свете том...
Под гаммы ее и трели
Прусский таможенник и жандарм
Мой сакводон смотрели.

Копались везде. Сovalи свой нос
Под стельки, под пробки, под крышки,
Ища драгоценности и кружева
И запрещенные книжки.

Искать в этом скарбе- вот ослы!
Но я далеко не робкий,
И контрабанда едет со мной,
Она- в черепной коробке.

Там и потоньше есть кружева
Брюссельских и мехеленских кружев.
Как их зубцы подзудили б вас,
Случайно себя обнаружив!

А драгоценности... Например,
Покров алмазных созвездий.
Украсит им третий вселенский храм
Один герой безвестный.

Я в памяти много пламенных слов
Любовью и яростью выжег.
Мой мозг- щебечущее гнездо
Из недозволенных книжек.

Книгохранилище сатаны
В сравнении с ними- молебен.
Подобной ереси не плел
И Гофман-фон-Фаллерслебен.

Раздетый рядом со мной пассажир
Был очень рад, что можем
Видеть мы целую цепь преград,
Прусский Союз Таможен.

"Таможсоюз, — заметил он, —
Уходит корнем в народность,
Раздробленной родине он придаст
И прочность и однородность.

Придаст он внешнюю прочность нам,
И так сказать, материально.
Духовные связи цензура крепит
И тут уж- идеально.

Единству внутреннему она
Мышления и гласности служит.
Германия цельной стать должна,
Цельной внутри и снаружи!"

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ "КНИГИ ПЕСЕН"

Вот он, из сказок древний лес!
Пахучие липы всюду!
Величественный лунный блеск
Туманит мой рассудок.

Иду, куда влекут шаги.
Вздыхает поднебесье:
Любовь и муки от любви
В той соловьиной песне.

Любовь и муки от любви,
Смех смешан со слезами,
Печальная радость и светлая грусть
Проснулись забытыми снами.

Иду, куда влекут шаги,
И вижу: стар и страшен
На голом месте замок встал
В короне гордых башен.

Замкнутые окна. Траур плит.
Безмолвие такое,
Как-будто смерть поселилась там,
В его пустых покоях.

Лежит у входа странный сфинкс,
Двуполый соблазном и жутью:
Он лев от лопаток до хвоста,
Но вот- лицо и груди.

Лицо богини! Белый взгляд.
Он ждет, не вспыхнуть ему бы...
Приотворились и молчат
Усмешкой повитые губы.

Раскатист посвист соловья...
Колени задрожали,
Я начал ласковый рот целовать,
И поминай, как звали.

Ворвалась жизнь, и мрамор ей
Ответил первым стоном,
Лакая из сердца жар золотой
И с жаждой и с истомой.

Я вылакан до дна почти,
А зверь оргазма хочет;
Сомкнулись лапы, прижав меня,
Раздирая тело на клочья.

Не пытка, а радость! Полет, а не боль!
И ад и восторг беспредельны!
Я был поцелуем губ упоен,
Когтями изранен смертельно.

Так пел соловей: "Прекрасный сфинкс —
Любовь, ты смотришь загадкой:
Зачем огню нестерпимых мук
Сплетаться с негой сладкой?"

Прекрасный сфинкс! Ответа жду.
Я знаю, он светоносен.
Над ним я думал и гадал
Уж много тысяч весен."

...Феб — Аполлон! Если это плохое стихотворение, ты, конечно, меня простишь... Ибо ты всеведущий бог, и тебе хорошо известно, почему уже столько лет размер иозвучие слов — не главное мое занятие... Ты знаешь, почему пламя, алмазными фейерверками забавлявшее мир, должно было превратиться в куда более серьезные пожары... Ты знаешь, почему оно сжигает теперь мое сердце молчанием... Ты понимаешь меня, великий бог

красоты, сам иногда оставляющий золотую лиру для крепкого лука и стрел смертоносных... Помнишь Марсия, с которого ты кожу содрал с живого? Это было давно, и мир снова нуждается в подобном примере... Ты улыбаешься, отец мой вечный!
